

**ГОУ ВПО СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. К. Л. ХЕТАГУРОВА**

На правах рукописи

Фидаров Рустем Фидарикович

**Традиционная идеология и мировые религии
в средневековой Алании**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Владикавказ 2011

Работа выполнена на кафедре российской истории и кавказоведения государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова.

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Блиев Марк Максимович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Ковалевская Вера Борисовна

кандидат исторических наук
Цуциев Аслан Аркадьевич

Ведущая организация: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, кафедра отечественной истории

Защита состоится «17» июня 2011 года в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д. 212.248.01 по историческим наукам при Северо-Осетинском государственном университете им. К. Л. Хетагурова по адресу 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Северо-Осетинского государственного университета.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова.
Режим доступа: <http://www.nosu.ru>

Автореферат разослан « » мая 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор педагогических наук,
кандидат исторических наук

С. Р. Чеджемов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Несмотря на неоспоримые достижения и успехи алановедения в последние два столетия, существует настоятельная необходимость осмысления фактов истории Алании в рамках новейших достижений исторических наук, а также культурной антропологии, фольклористики, религиоведения. Только строго научное представление о прошлом Осетии-Алании, ее культурных корнях позволит уверенно реагировать на вызовы времени и, не опасаясь за свою самобытность, вступать в культурный обмен и взаимодействие с другими народами и культурами.

Назрела необходимость объединить воедино информацию письменных, археологических, фольклорных, этнографических источников о средневековой аланской культуре и религиозности, выявить идеологическое содержание сюжетов нартовского эпоса, интерпретировать памятники средневековой материальной культуры в аспекте проявления религиозно-мифологических представлений оставившего их населения. Только комплексный подход позволяет надеяться на успешную реконструкцию картины духовной жизни средневековой Алании.

Объект исследования. Духовная составляющая осетинской традиционной культуры. Степень и формы воздействия мировых религий на осетинскую традицию.

Предмет исследования – генезис, состояние и эволюция первостепенных (центральных) компонентов идеологического комплекса в средневековом аланском обществе.

Цели и задачи исследования. Важнейшие цели работы заключаются в выявлении основных компонентов идеологического комплекса средневековых алан, определении динамики развития идеологических представлений в их связи с социально-экономическим развитием средневекового аланского общества. Изучение накопившихся источников и имеющихся научных достижений в обозначенном направлении позволяет сформулировать основные задачи исследования.

Первой из них становится выявление мифологических основ традиционной аланской идеологии. Очень долго мифологические представления сохраняются в виде пережитков и продолжают играть важную роль даже в тех случаях, когда на смену им приходят новые формы идеологии.

С распадом родоплеменного строя первостепенное значение в общественном сознании приобретает воинская идеология, которая во многом регулирует социальные отношения. Выявление основных черт этой новой воинской идеологии – также одна из задач исследования.

Эволюция общественного строя приводит к возникновению социальной иерархии и государства. Одновременно со становлением государства идет процесс формирования новой идеологии. В эпоху средневековья идеология выражается, в первую очередь, в форме выражения царской власти. Она формируется на основе трансформации старых представлений, в случаях же, когда возникают лакуны в национальной культуре, они могут заполняться заимствованиями актуальных идей из других учений. Одной из задач исследования становится изучение в этом аспекте проникновения в Аланию мировых религий и, в первую очередь, принятие христианства в качестве официальной религии в X в.

Методологические основы исследования. В исследовании автор исходит из представления о диалектическом развитии исторического процесса, общности законов развития человеческого общества. Лишь на фоне проявления общих закономерностей исторического развития человеческого общества возможно выявление и исследование самобытных черт аланской истории и культуры.

При анализе источников (археологических, фольклорных, исторических и этнографических) используются универсальные методы: сравнительно-исторический, историко-типологический, наиболее продуктивный при исследовании тех явлений культуры, которые восходят к мифологии, и др.

Памятники письменности алан не дошли до нашего времени. Недостаточно освещена история средневековой Алании и в нарративных источниках, что предполагает широкое привлечение исследователями иных видов источников и, в частности, – археологических и фольклорных.

Источниковая база исследования. В работе использованы письменные, археологические, фольклорные и этнографические источники.

Письменные источники. Вопросы, касающиеся идеологической сферы аланского общества, находят в источниках крайне скудное и фрагментарное освещение. Эти сведения носят случайный и отрывочный характер и могут приниматься в расчет лишь при возможности сопоставления их с данными источников других видов – прежде всего археологических, этнографических или фольклорных. Привлекаемые письменные источники по своему происхождению делятся на несколько групп.

1. *Европейские (византийские).* В работе использованы сочинения Константина Порфирородного (905–959 гг.) «Об управлении государством» и «О церемониях Византийского двора», из которых можно извлечь информацию о географическом, внутри- и внешнеполитическом положении Алании,

взаимоотношениях с империей и другими странами; письма патриарха Николая Мистика, проливающие свет на процесс христианизации Алании, датируются первой половиной X в.; «Епископа Федора Аланское послание» первой половины XIII в. и другие источники, традиционно используемые историками христианства в Алании.

2. *Восточные (мусульманские) источники.* Анонимное сочинение Худуд аль-Алам «Пределы мира от востока к западу» – написано в традициях персидской географии. Наибольший интерес для нас представляет глава «Рассуждение о стране Аллан и ее городах»; «Книга драгоценных украшений» (около 903–913 гг.) Ибн Руста – в ней уникальные сведения об аланах. Сочинение Масуди (ум. 956 г.) «Луга золота и копи драгоценных камней» – признается наиболее ценным источником по истории аланов IX–X вв. Часть сведений Масуди повторяется у его современника Абу эль-Кассима. Сочинение Ибн ал-Асира, «Совершенная хроника» (1233 г.) – содержит сведения об Алании, связанные с первым походом монголов на Северный Кавказ.

3. *Источники кавказского происхождения.* Древнейшей грузинской летописью считается «Обращение Картли»; наиболее ранней датой ее составления называется VII в. Из этого источника используются некоторые сведения, касающиеся распространения христианства на Кавказе; «Столетняя летопись» анонимного автора XIV в. охватывает время с начала XIII в. по 1317 г. В ней встречаются данные о событиях в Алании и представителях аланской царской династии; «Памятник эриставов», датируемый началом XV в., посвящен истории канских эриставов, имевших аланское происхождение.

Из дагестанских источников привлекается хроника «Дербенд наме», проливающий свет на положение в средневековой Алании.

4. *Сведения русских летописей* касаются событий 1277–1278 гг., связанных с аланским городом Дедяковом. Сводки русских летописей, касающиеся средневековых алан и яского города Дедякова, приведены Е. Г. Пчелиной и В. А. Кучкиным.

5. «*Нузальская надпись*», посвященная осетинскому роду Царазонта, является важным источником по идеологическим представлениям средневековых алан. Текст надписи известен с 1830 года. Варианты текста издавались неоднократно.

Археологические источники представлены, главным образом, новыми материалами из раскопок 1981–2005 гг. на Змейском катакомбном могильнике X–XIV вв. Змейский могильник, оставленный населением одного

из крупнейших городских центров средневековой Алании, известен в археологии под названием городище Верхний Джулат или Татартуп. Городище находится в стратегически важном пункте у входа в Эльхотовские ворота.

Археологические материалы этих двух памятников запечатлели не только особенности предмонгольского этапа истории Алании, но также кардинальные изменения, происходившие в аланском обществе после татаро-монгольского нашествия. Особую известность Змейский могильник приобретает с 50-х гг. прошлого столетия, когда были проведены масштабные полевые исследования, и началась публикация добытых научных материалов. Стационарные раскопки на памятнике были возобновлены в 1981 г. Автор настоящей работы занимался раскопками Змейского катакомбного могильника с 1982 до 2005 г. За это время накоплен значительный материал, который позволяет по-новому осветить как особенности самого памятника, так и многие вопросы средневековой истории алан.

В работе рассматриваются материалы захоронений коней, прежде не известных на могильнике. Привлекаются также научные данные катакомб золотоордынского времени, впервые зафиксированные на могильнике. Благодаря открытию этих катакомб, верхняя хронологическая граница могильника с XII в. отодвинута до XIV в. Используются и материалы погребальных памятников, свидетельствующие о проникновении в Верхний Джулат мировых религий, христианства и ислама на разных этапах истории города.

Фольклорные источники. Вплоть до нового времени осетинский эпос существовал и развивался, не подвергаясь серьезному внешнему идеологическому воздействию. Сложилось так, что осетинские сказания оказались в сфере внимания исследователей и были записаны на стадии, когда они еще выполняли свою общественную функцию и не подверглись «деградации». Благодаря этому наука имеет в своем распоряжении выдающееся фольклорное произведение. Традиционная идеологическая система алан наиболее полно донесена до нас в осетинском нартовском эпосе и в ритуальной поэзии.

История записи и публикации осетинских нартовских сказаний была предметом специальных исследований в работах В. И. Абаева, Б. А. Калоева, Ю. С. Гаглойти.

Интерес к нартовским сказаниям проявили уже первые исследователи Осетии в конце XVIII в. Работа по сбору сказаний началась во второй половине XIX в. и велась до второй половины XX в. В 1940 г. дело фиксации и публикации

осетинского эпоса было признано государственной задачей и она решалась Нартовскими комитетами в Северной и Южной Осетии. Что касается публикации нартовских текстов, то она продолжается еще и в наше время.

Особое внимание в предлагаемой работе уделено посвячительным речам, произносившимся при обряде посвящения коня покойнику у осетин. Ритуальная поэзия в целом тесно связана с нартовским эпосом, в нашем же случае (исследование обряда посвящения коня покойнику и посвячительных речей) связь оказывается неразрывной.

Эти речи, заключающие в себе погребальный миф, относятся к самобытному фонду алано-осетинской культуры: ничего подобного не известно даже у тех народов, которые практиковали посвящение коня покойнику. Запись посвячительных речей также была начата во второй половине XIX в., одновременно с фиксацией эпоса, и велась во всех частях Осетии.

Этнографические источники. Материалы осетинской этнографии, использованные в настоящей работе, включают данные, касающиеся народного праздничного танца «симд» и сопутствующих ему обрядов, а также данные по этнографии детства у осетин.

Особое место в исследовании занимают сведения о погребальном обряде у осетин и, в частности, об обряде посвящения коня покойнику, которые содержатся у многих авторов, начиная с XVIII в.

Историография. С середины XVIII в. потребности восточной политики России способствовали вовлечению Осетии в сферу российского влияния, а затем и присоединению к империи. С этого времени в Осетию прибывают путешественники, духовные лица и ученые. Сведения об Осетии и ее народе появляются в официальных документах. Документы XVIII в., хранящиеся в центральных архивах, изданы в двух томах М. М. Блиевым.

Из ученых, изучавших Осетию в это время, следует отметить академиков И. А. Гюльденштедта (1771–1773 гг.), П. М. Палласа (1793–1794 гг.), Г. Ю. Клапрота (1807–1808 гг.) и др. Российских и европейских ученых интересовал осетинский язык, преемственная связь осетин с народами средневековья и древности, отношение к мировым религиям, мировоззренческие и религиозные представления населения.

Наибольший вклад в становление осетиноведения на этом этапе принадлежит А. М. Шегрену, создателю первой осетинской грамматики. Он изучал также верования осетин, календарь, праздники и святых традиционной религии, ритуалы и обычаи. Особый интерес вызывают описание обряда посвящения коня и приводимый текст посвячительной речи.

Заинтересованным исследователем истории и культуры Осетии был В. Б. Пфаф, который первым попытался создать целостное представление об истории Осетии. Он останавливался также на культовых памятниках и религиозных представлениях народа, живо интересовался нартовским эпосом, пробуя использовать его в качестве исторического источника.

Основателем научного осетиноведения стал академик В. Ф. Миллер. Он изучал осетинский язык, историю, этнографию, фольклор. В исследованиях В. Ф. Миллер использовал как собственные наблюдения, так и данные своих предшественников, главным образом, В. Б. Пфафа и Б. Гатиева, а также материалы, собранные священником А. Гатуевым и другими помощниками ученого из числа осетин.

В. Ф. Миллер рассматривает традиционный осетинский пантеон, во главе которого видит «одного верховного невидимого Бога», ставит вопрос о соотношении в духовной культуре осетин традиционной религии и христианства, верно подмечая, что осетины сохранили свою древнюю религию, несмотря на влияние христианства.

В. Ф. Миллер был первым, кто сопоставил материалы нартовского эпоса осетин со сведениями письменных источников о скифах, сарматах и аланах, рассматривает осетинский погребальный обряд (в том числе обряд посвящения коня), который также сближается со скифскими сюжетами. Параллели, выявленные В. Ф. Миллером, остаются до сих пор в центре внимания исследователей. Более того, можно говорить об особом направлении в осетиноведении – сравнительном изучении нартовского эпоса и скифо-сармато-аланской этнографии, известной по сочинениям древних и средневековых авторов.

Историография нартовского эпоса рассматривается многими авторами, а ряд работ специально посвящен этой теме. Отметим работы В. И. Абаева (1945 г.), Б. А. Калоева (1999 г.), М. П. Санакоева (1971 г.), Ю. С. Гаглойти (1977 г.), В. А. Мамонова (2005 г.).

Благодаря работам В. Ф. Миллера осетинский эпос в конце XIX в. стал достоянием науки. Исследования эпоса были продолжены и в начале XX в.

После революции, уже в 1919 г., было создано «Осетинское историко-филологическое общество». В 1925 г. общество было преобразовано в Северо-Осетинский научно-исследовательский институт краеведения. Тогда же стали выходить «Известия СОНИИ». Одним из важнейших объектов изучения осетинских ученых стало устное народное творчество. К исследованию эпоса подключились также исследователи-историки: З. Н. Ванеев и Б. В. Скитский.

Начало серьезного внимания к нартовскому эпосу в Европе приходится

на 1930-е гг. и связано с именем крупного французского ученого Ж. Дюмезиля. Виднейший представитель неомифологической школы, Ж. Дюмезиль нашел в осетинском эпосе благодатный материал по индоевропейской мифологии, в том числе подкрепляющий трифункциональную теорию. К исследованию нартовского эпоса осетин подключились также ученики и последователи Ж. Дюмезиля.

В исследовании осетинских сказаний особое место принадлежит В. И. Абаеву, выдающемуся исследователю осетинского языка и фольклора. Наиболее полно нартоведческие исследования В. И. Абаева нашли отражение в монографии «Нартовский эпос» (1945 г.).

Важной вехой в истории нартоведения стало совещание по нартовским эпосам народов Кавказа 1956 года в г. Орджоникидзе. К нартовскому эпосу обращались именитые советские ученые: известный исследователь мифологии народов мира Е. М. Мелетинский и крупный фольклорист и организатор науки В. И. Чичеров.

Во второй половине XX и начале XXI в. вышли и продолжают выходить работы исследователей: Ю. С. Гаглойти, З. В. Абаевой, Н. К. Мамиевой, З. К. Ханаевой, А. Р. Чочиева, Ю. А. Дзищойты, в которых рассматриваются различные научные аспекты осетинского эпоса.

Исследование этнографии осетин оформилось как научное направление во второй половине XIX в. в рамках недифференцированного научного осетиноведения. Достаточно подробные сведения по истории изучения этнографии осетин (особенно дореволюционного периода) имеются в работе М. П. Санакоева. Имена исследователей, обративших внимание на духовную культуру осетин, уже приведены выше (А. М. Шегрен, Б. Гатиев, В. Б. Пфаф, В. Ф. Миллер). Интересные сведения по этнографии осетин содержатся и в работах известных русских ученых Н. Д. Леонтовича, Н. Ф. Дубровина.

Следует отметить также уникальную работу К. Л. Хетагурова по этнографии осетин «Особа» (1894 г.).

После революции исследования этнографии осетин были продолжены. В 1925 г. вышла работа известного этнографа-кавказоведа Г. Ф. Чурсина, в которой рассматриваются верования осетин. В это же время этнографией осетин активно занимаются Б. А. Алборов, Е. Г. Пчелина и др.

Во второй половине XX в. вышли работы Б. А. Калоева, собравшего огромный полевой материал. Среди этих работ монография «Осетины» – первый обобщающий труд по этнографии осетин. Обобщающий характер несут также работы А. Х. Магомедова.

С середины XX в. плодотворную работу по семейным и родственным отношениям у осетин вела З. Д. Гаглойти. Много внимания она уделяла также духовной культуре, происхождению и миграциям осетинских фамилий. Духовная культура осетин находится в сфере внимания также Л. А. Чибирова. Социальной истории и духовной культуре осетин, в том числе воинскому идеологическому комплексу, посвящены работы А. Р. Чочиева.

Большой вклад в развитие осетинской этнографии внес В. С. Уарзиати. Особенность этого автора в том, что он одним из первых стал использовать этнологический подход к фактам этнографии. Исследованию осетинской традиционной культуры посвящены работы В. С. Газдановой.

Практически ни один исследователь, изучавший этнографию осетин в целом или такие частные вопросы, как похоронные обряды и погребальный культ, не проходит мимо такого яркого явления осетинской традиционной культуры, как обряд посвящение коня покойнику (*бехфелдисын*).

Археологическое изучение Осетии начало развиваться во второй половине XIX в., однако переломным моментом стало открытие в 1869 г. кобанской археологической культуры эпохи поздней бронзы – раннего железа. С этого времени Осетия оказалась под пристальным вниманием отечественной и европейской науки, а кобанская культура получила мировую известность.

В 1880-х годах началось стационарное исследование средневековых катакомбных могильников (Суаргом у сел. Чми, Харх у сел. Балта). В. Ф. Миллер (член Московского археологического общества) впервые указал на принадлежность материалов катакомбных могильников средневековым аланам и необходимость отделять кобанские памятники от аланских. Итог многолетней исследовательской работы по археологии Осетии подвела П. С. Уварова изданием капитального труда «Могильники Северного Кавказа» (1900 г.).

В начале XX в. были проведены первые исследования на городище Верхний Джулат и на Змейском катакомбном могильнике. Работы проводил любитель древностей казачий офицер Ф. С. Панкратов (Гребенец).

Первая мировая война прервала археологические исследования в Осетии. Их возобновление в советское время связано с именем Е. Г. Пчелиной. Видный советский археолог-кавказовед Е. Г. Пчелина в 1924 г. приступила к систематическим работам по выявлению и раскопкам археологических памятников и составлению археологической карты.

В 1946 г. Е. Г. Пчелина и Т. Б. Мамукаев провели раскопки в знаменитой Нузальской церкви, давно привлекавшей внимание кавказоведов своими фресками и надписями. Е. Г. Пчелина на основании изучения преданий о

роде Царзонта предполагала найти здесь гробницу представителя рода Царзонта – Сослана-Давида, грузинского царя, мужа царицы Тамары (конец XII – начало XIII в.). Под полом церкви действительно было найдено захоронение, по мнению авторов раскопок – погребение Давида-Сослана. Эта гипотеза спорна и подверглась критике.

Неутомимый исследователь археологических памятников Л. П. Семенов интересовался в том числе выдающимся памятником средневековья Осетии – Верхнеджулатским городищем. Результаты изучения этого памятника он привел в работе «Татартупский минарет».

В 1930-е гг. в археологическое исследование Северной Осетии включились центральные научные учреждения.

Великая Отечественная война прервала исследование археологических памятников Осетии. Археологические раскопки были возобновлены в 1950-е гг. В 1953 г. в районе станицы Змейской были организованы охранные раскопки. Работы вела экспедиция СОНИИ под руководством С. С. Куссаевой. Было исследовано 50 катакомб, сделаны важные обобщения.

С 1957 г. к стационарным раскопкам в районе станицы Змейской, а затем и на Верхнем Джулате (с 1958 г.), приступила объединенная Северокавказская экспедиция Института Археологии АН СССР и Северо-Осетинского НИИ (начальник Е. И. Крупнов). Интересный материал был получен со Змейского катакомбного могильника, раскопки которого проводил В. А. Кузнецов (исследовано 87 катакомб). Добытые на могильнике материалы вывели дело изучения аланской археологической культуры предмонгольского времени на новый уровень.

На Верхнем Джулате О. В. Милорадович были исследованы христианский храм и христианский могильник у храма, Малая и Большая мечети. В последующие годы исследованием памятников Верхнего Джулата занимался В. А. Кузнецов. Открытие и изучение столь ярких памятников Верхнего Джулата позволило авторам прийти к важным и обобщающим заключениям.

Религиозная история Алании стала объектом научного исследования в начале XIX в. Еще в первой половине XVIII в. осетины вошли в сферу интересов России, как народ «издревле» веры «православной христианской». В связи с этим встали вопросы времени и направления проникновения христианского учения в средневековую Аланию. Г. Ю. Клапрот, очевидно, был первым, кто пытался решить эти вопросы с привлечением данных средневековых авторов (1822 г.). Эти же вопросы интересовали В. Б. Пфафа (1871 г.).

В конце XIX в. известный византист Ю. А. Кулаковский рассмотрел письменные источники, касающиеся истории христианства в средневековой Алании, и пришел к обоснованным выводам о времени принятия христианства в Алании в качестве государственной религии и создания Аланской епархии в составе Константинопольской патриархии (начало X в.). Ученый также рассмотрел основные этапы истории Аланской епархии. Работы Ю. А. Кулаковского не устарели и не подвергаются сомнению до настоящего времени. Более того, положения этого ученого углублены и подтверждены новыми материалами (работы В. А. Кузнецова и С. Н. Малахова).

Другая проблема, связанная с христианством у осетин, – состояние этой веры у народа, соотношение христианских и традиционных элементов в осетинской культуре. Эти вопросы также интересовали уже первых путешественников и исследователей Осетии. Занимался ими и В. Ф. Миллер. Роль, значение и взаимодействие компонентов христианства с традиционной религией – это вопросы о природе современной религии осетин, важной составляющей их традиционной культуры. Неоднократно обращались к этой теме В. И. Абаев и другие исследователи, вплоть до современных.

Научная новизна исследования. Идеологическая система средневековых алан впервые рассматривается как самостоятельный объект исследования. Предложен междисциплинарный подход к разрешению поставленных научных проблем. Выявлены важнейшие закономерности в развитии идеологических представлений, и на этой основе определены этапы эволюции аланского идеологического комплекса.

В научный оборот вводятся неопубликованные материалы Змейского катакомбного могильника, дающие возможность предметно осветить вопросы проникновения в культуру и идеологию средневекового аланского общества элементов христианства и мусульманства.

Положения, выносимые на защиту. Алано-осетинские материалы позволяют проследить тесную связь между уровнем социального развития общества и стадией развития его идеологической надстройки. В развитии традиционных идеологических представлений алан-осетин выделяются три основных этапа:

а) *мифологический (космологический)*, присущий родоплеменному обществу и присутствующий в мировоззрении средневековых алан в виде остаточного явления;

б) *героико-этический*, соответствующий так называемому дофеодальному периоду (наступает с распадом родоплеменных отношений и длится до

возникновения классового общества), когда господствующее положение в общественном сознании и духовной культуре занимает воинский идеологический комплекс;

в) *государственный (государственно-конфессиональный)*, который наступает с укреплением социальной иерархии и появлением государства, а свое выражение находит, прежде всего, в идеологии царской власти.

Формирование государственной идеологии происходит на основе традиционных представлений, сложившихся в предшествующее время, с активным использованием властной идеологии мировых держав (обществ с развитой социально-политической иерархией). Наиболее востребованным в этом аспекте оказалось христианство.

Практическая значимость работы. Положения диссертации могут быть использованы при написании обобщающих работ по древней и средневековой истории Алании-Осетии, по истории аланской (осетинской) культуры, при подготовке общих и специальных курсов лекций по отечественной истории, а также в исследованиях по фольклористике, этнологии, культурологии, религиоведению.

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования изложены в пяти статьях и в докладе на международной междисциплинарной конференции. Работа обсуждена на кафедре российской истории и кавказоведения Северо-Осетинского государственного университета и рекомендована к защите.

Структура работы отвечает поставленным целям и задачам и состоит из введения, двух глав, содержащих по два параграфа, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы исследования, сформулированы цели и задачи исследования, обозначены методологические основы исследования, охарактеризованы источниковая база исследования и историография темы, раскрыты научная новизна исследования и практическая значимость работы. Сформулированы положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Истоки духовной культуры средневековых алан»** рассматриваются древнейшие пласты или компоненты идеологического комплекса средневековой Алании.

§ 1 «Мифологические основы культурного наследия средневековой Алании» посвящен исследованию мифов творения и осетинской версии так называемого основного мифа индоевропейской мифологии.

Мифы творения реконструируются на материалах осетинского нартовского эпоса и распадаются на три группы.

1. Космогонические мифы (сотворение природного космоса).

2. Антропогонические мифы (сотворение человека или эпического племени). Эти мифы в эпосе присутствуют в трех версиях.

3. Мифы, представляющие социогенез, или этногонические мифы. Рассматриваются в двух версиях эпической и мифологической. Анализ осетинской мифологической версии социогенеза при сопоставлении с другими традициями позволяет выявить, что в результате акта Божественного творения возникает общество золотого века.

Основной миф (или миф второго творения) в аланской религиозно-мифологической традиции выявляется на основе этнографических материалов (танец *нартон симд* и сопутствующие обряды) и эпических сюжетов. В осетинской традиции миф в общем контексте реконструирован впервые.

Исследователями принято связывать основной миф индоевропейской мифологии с новогодними обрядами, призванными отвести угрозу хаоса от космоса, восстановить гармонию в мире. Такая связь выявляется и в осетинской традиции. Вместе с тем осетинская традиция дает возможность видеть в основном мифе также нормативный прецедент для юного эпического героя, воссоздающего земное царство (средний мир) после деградации и падения общества золотого века. Однако восстановленный эпическим героем мир уже не мир золотого века – это мир эпический. В этом также видится мировоззренческое значение основного мифа, как переходного от эпохи мифологической и космогонической к эпохе эпической и героической. В социальном плане этот переход знаменует распад родоплеменных отношений и наступление стадии военной демократии и так называемого дофеодального периода.

Выявляется, что мифы творения в осетинском нартовском эпосе подчинены общим законам мифотворчества и, вместе с тем, они несут отпечаток нового героико-эпического идеологического комплекса. Мифы творения осетинского эпоса в значительной мере теряют свое значение универсальной парадигмы для социума и служат лишь формированию эпического мира нартовских сказаний и, в конечном счете, формированию общества героической эпохи.

В § 2 первой главы «Идеологические и ритуальные основы» рассматриваются центральные положения воинского идеологического комплекса как второго компонента или пласта государственной идеологии, формирующейся в Алании в эпоху средневековья.

В центре исследования находятся два обряда, один эпический (обряд посвящения в воины) и второй – реальный (обряд посвящения коня покойнику), сопровождаемый, рецитацией осетинского погребального мифа.

Эпический обряд посвящения в воины по материалам осетинских сказаний, где он составляет устойчивый мотив, выявлен и рассмотрен впервые. В сюжетах, связанных с этим мотивом, разрабатываются и санкционируются идеологические представления и установки воинского идеологического комплекса.

Обряд посвящения коня покойнику у осетин (*бахфалдисын*) представляет собой традиционный воинский погребальный обряд и полностью подчинен воинским идеологическим установкам. Этот обряд рассматривается по данным этнографии и фольклора (ритуальной поэзии). Особо следует сказать об археологических материалах по этому вопросу. К настоящему времени накоплен массив научных данных по конским захоронениям (более 40 захоронений) из Змейского катакомбного могильника. Аланский обряд погребения коней, исследуемый археологами, обоснованно считается эквивалентом осетинского обряда посвящения коня покойнику. Накопленные материалы подтверждают и конкретизируют данные других источников.

Если обряд бахфалдисын давно находится в центре внимания исследователей, то этого не скажешь о погребальном мифе, который произносился посвятителем при его исполнении. Посвятительные речи в общем виде до настоящего времени оставались не рассмотренными с мифологических позиций. В работе предложен анализ мифа в той мере, в какой это позволяли рамки исследования.

В центре всех развитых традиций стоит религиозно-философский вопрос о смысле и цели жизни. В алано-осетинской воинском идеологическом комплексе представления о смысле и цели жизни соотносимы с универсальной «теорией воздаяния или возмездия» (Э. Б. Тайлор), но приспособлены к героико-эпическому идеологическому комплексу.

Жизнь человека на этом свете есть испытание, по результатам которого ему будет определено место в вечном мире. Воинская доблесть, готовность к самопожертвованию во имя воинского долга, безусловное исполнение своего долга до конца и в любых условиях – вот величайшая эпическая добродетель

нарта и пример для любого воина. Только при соблюдении этих условий, а также непременно исполнении всех обрядов от рождения до смерти, воин попадает в элизиум, то есть в общество прославленных Нартов, которые заняты достойнейшими делами воина: пирами и битвами, и он занимает там достойное место.

В работе еще раз подтверждается, что в центре нартовского эпоса, как идеологической системы, находится воинский идеологический комплекс. Точно так же в обществе героической эпохи доминирует второе воинское общественное сословие, из которого происходит и Богом данный царь, а точнее – царский род. Этот вопрос затрагивается также во второй главе работы.

В § 1 «Христианство и культурная идентичность средневековых аланов» рассматриваются вопросы проникновения и распространения христианства в Алании как до принятия этой религии в качестве государственной (начало X в.), так и после того.

Важнейшей предпосылкой принятия аланскими царями православия, признания христианства государственной религией и учреждения Аланской епархии в составе Константинопольского патриархата видится стремление аланских царей укрепить свою власть и позиции. На стадии становления государственной власти аланские цари, конечно же, были заинтересованы в поддержке со стороны Византийской мировой державы. На такую поддержку могли рассчитывать правители-христиане, способствовавшие, к тому же, распространению православия. Следуя современной им международной практике, аланские цари должны были номинально вступать в отношения сюзеренитета с византийскими императорами.

В то же время в Алании выявляется картина религиозного синкретизма и мирного сосуществования христианства с традиционной аланской религией в пределах страны. Слабость позиций христианства в восточной Алании домонгольского периода и, в частности, в округе Верхнеджулатского городища объясняется доминированием в этой части страны аланской религии, восходящей к древней арийской традиции. Рассмотренные материалы приводят к выводу о том, что на Верхнем Джулате находился центр аланской традиционной религии, т. е. священный город аланов. Источники дают также основание локализовать на этом городище столицу Алании город Магас, известный по данным средневековых авторов.

В работе рассматриваются источники (письменные и фольклорные), касающиеся аланской царской династии.

В итоге в формировании идеологии царской власти или шире – государственной идеологии – в средневековой Алании были использованы два основных компонента. Первый – это традиционные идеологические представления алан, которые были рассмотрены выше. Трансформируясь и приспосабливаясь к новым условиям, они обосновывали царскую власть в аланском государстве. Второй компонент – христианская религия и авторитет православной Византийской державы, которые служили упрочению статуса аланского царя как внутри страны, так и на международной арене.

В исследовании рассматривается также золотоордынский этап распространения христианства в Верхнем Джулате (XII–XIV вв.). Если в домонгольский период влияние христианства в этом городе по археологическим данным было минимальным, то позже здесь наблюдается другая картина. С конца XIII в. происходит активное проникновение христианства и ислама в этот аланский город. В первой половине XIV в. здесь строятся христианские церкви, известные как по источникам XVIII–XIX вв., так и по археологическим данным, появляются христианские кладбища. Такое положение с мировыми религиями в этом аланском центре в золотоордынский период может объясняться тяжелым положением, в котором оказалось аланское население после событий XIII века. В условиях кризиса традиционной идеологической системы мировые религии должны были найти на Верхнем Джулате благодатную почву.

В § 2 «**Распространение ислама в средневековом аланском городе**» рассматривается проникновение в город на Верхнем Джулате в золотоордынский период второй мировой религии – ислама. В центре исследования находятся мусульманские погребения с трех могильников Верхнего Джулата, раскопанные автором в разные годы.

Приведенные материалы дают основание считать, что в золотоордынский период на Верхнеджулатском городище сохранилось аланское население, часть которого исповедовала мусульманскую религию, в то время как другая – христианство.

В **заключении** диссертации обобщены итоги исследования и сформулированы выводы.

Проведенное исследование позволило определить направление и этапы эволюции традиционной идеологической системы средневековых алан, выявить ее основные компоненты: мифологический, героико-эпический, государственно-конфессиональный. Три основных компонента рассмат-

риваемого комплекса соотносятся с тремя этапами формирования идеологической системы. В свою очередь три этапа эволюции традиционной идеологии отвечают трем стадиям развития общества.

Мифологические представления и мифологическое мышление господствуют на первом, древнейшем этапе социальной истории, в эпоху родоплеменной организации с соответствующими уровнями развития производительных сил, общественных отношений и знаний об окружающем мире.

Материалы осетинского эпоса дают возможность реконструировать в относительно целостном виде мифы творения, составляющие сердцевину идеологических представлений мифологического (или космологического) типа. При этом мифологический компонент служит одной из основ создания нового идеологического комплекса – героико-эпического. Иными словами, космогонические мифы присутствуют в осетинском эпосе в эпической версии и подчинены, в первую очередь, задачам формирования внутриэпического мира, то есть, в конечном счете, – героико-эпического комплекса аланской идеологии.

Центральное место принадлежало, по-видимому, мифам, связанным с космогонией (сотворением природного космоса), антропогонией (сотворением человека или людей) и социогенезом (созданием социума). Особое внимание в осетинском эпосе уделяется мифам, в которых находит отражение идеология мифологической царской власти. Эти мифы остаются актуальными и в последующие эпохи, когда, трансформируясь и приспосабливаясь к особенностям следующих стадий социального устройства, они продолжали служить регулированию общественных отношений.

Аланская версия основного мифа индоевропейской мифологии – победа Громовержца над олицетворением хаоса и восстановление упорядоченного космоса – определяется автором как миф, переходный от мифологической эпохи к эпохе героической.

Как космогонические мифы объясняют происхождение общества золотого века (мифологической эпохи), так и основной миф через свою эпическую реализацию объясняет происхождение не только эпического, но и реального мира, современного носителю традиции. В алано-осетинской эпической версии этот мир – мир героической эпохи, соответствующей дофеодалному периоду. Одновременно миф примиряет противоречие между представлением о творениях Бога (космос, социум, человек) как идеальных, воплощающих сакральное начало, и суровой реальностью, в которой все устроено далеко не идеально, т. е. миф служит также философскому объяснению мира, в котором живет носитель эпоса.

Царство золотого века испытало десакрализацию, деградацию, падение, а, значит, и восстановление земного царства, хотя и подразумевает возвращение к изначальной сакральности, находится теперь под постоянной угрозой рецидивов деградации. Теперь этот мир надо ежечасно защищать с оружием в руках. На деле это означает, что воины становятся доминирующим сословием, а во главе социума стоит представитель этого сословия. В историческом плане речь идет о революционном переходе от родоплеменного строя к социальной иерархии и «протогосударству» дофеодального периода. Коренные изменения в социальном устройстве общества требуют перестройки идеологической системы. Поэтому основной миф и его эпическая реализация санкционируют новую идеологическую систему, в которой главенствующее место занимает воинский идеологический комплекс.

В работе определяются также роль и значение исследованных мифов в формировании системы идеологических представлений средневековой Алании, находившейся на стадии образования классов и становления государства.

Герико-эпический идеологический комплекс выступает как второй компонент аланской традиции, соответствующий так называемому дофеодальному периоду, когда воинская идеология занимает доминирующие позиции в общественном сознании.

Для юного эпического героя миф о громовержце является прецедентом для воссоздания земного мира после гибели общества золотого века. Юный эпический герой же является нормативным прецедентом, как для всех положительных персонажей сказаний, так и для реальных носителей эпоса.

Представления о смысле и цели жизни в алано-осетинской традиции героической эпохи находятся в рамках универсалии «воздаяния или возмездия» и в то же время отвечают воинскому идеологическому комплексу. Важнейшими целями жизни человека в этом мире признается исполнение воинского долга при неуклонном соблюдении воинских норм поведения, воинских установлений и запретов. При соответствии этим требованиям воин после смерти получает награду, которую он не может получить на этом свете. В мифологическом плане это означает: воин на вечные времена занимает достойное место в структуре космоса.

Таким образом, в дофеодальный период мифологические представления сохраняют актуальность, однако в Алании безраздельно доминирует воинский идеологический комплекс, который в полной мере отвечает новой стадии развития общества. Именно этот идеологический комплекс в наиболее

полном виде находит свое воплощение в эпосе, а в конкретных сюжетах (главным образом, в сюжетах, связанных с типом юных погибающих героев) нартовского эпоса получают свою детальную разработку и санкцию различные аспекты воинской идеологии.

Эпос, несмотря на мощный мифологический субстрат, несмотря на множество общекультурных тем, разрабатываемых в нем, в первую очередь, служит проповеди воинской идеологии, воинской этики и воинской эстетики. Функция нартовского эпоса, наряду с другими составляющими аланской традиции в догосударственную эпоху – регулирование общественных отношений в социуме. Положения воинской идеологии, выявляемые в нартовских сюжетах, в полной мере соответствуют высокому предназначению воинского сословия – с оружием в руках самоотверженно служить делу сохранения, поддержания и утверждения данного Богом миропорядка.

Государственно-конфессиональный компонент связан с эпохой образования социальных структур и государства. В связи с перестройкой социальных отношений возникает необходимость в новой идеологической надстройке. Самодостаточный и вполне гибкий традиционный идеологический комплекс аланов приспосабливается к новым условиям и используется, в том числе, для обоснования государственного механизма и царской власти. Государственный интерес находит свое выражение в идеологии царской власти, которая формируется путем актуализации и трансформации имевшихся представлений о мифологическом первом царе, данном Богом. Богоданность царя и царской власти, легитимность мифической и эпической династии становятся основой, на которой строится идеология власти.

Нужда в новых идеологических установках и необходимость целостной социальной идеологии становятся предпосылкой все более широкого проникновения христианского учения в Аланию, пока в X в. христианство не стало, наконец, государственной религией. Этот процесс был облегчен не только востребованностью идей религии, приспособленной к жизни развитого иерархического общества, но также близостью многих основополагающих принципов христианского учения и древней аланской традиции.

В то же время принятие христианства аланскими царями, распространение его в стране и признание в качестве государственной религии имело важное политическое значение. Вовлечение Алании в орбиту крупнейшей мировой державы – Византийской империи, а аланских царей – в круг православных

государей давало серьезные политические преимущества, как на стадии становления государственной власти, так и позже. В регионах, сопредельных с Византией, такое развитие взаимоотношений между империей и возникающими в эпоху раннего средневековья государственными образованиями можно считать традиционным. Византийский император воспринимался современниками как олицетворение верховной власти. Вместе с принятием христианства местные правители получали от него символы божественной легитимности для собственных властных полномочий.

С X в. в Алании отмечены первые исламские общины. На золотоордынском этапе истории в городах Алании возросла доля мусульманского населения.

Несмотря на глубокий интерес к христианской идеологии в Алании эпохи государственности, наличие значительных групп населения, исповедовавших православие и ислам в их догматической форме, традиционная аланская идеологическая система не уступила своих позиций и даже не была оттеснена на периферию. Она выстояла и дожила до нового времени, адаптировав и включив в свой состав идеи и элементы двух мировых религий.

Список публикаций работ автора

Публикации в изданиях:

а) рекомендованных ВАК Минобразования РФ

1. Фидаров Р. Ф. Обряд воинской инициации в осетинском нартовском эпосе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб., 2009. № 117. – С. 70–76.

б) в иных изданиях

2. Фидаров Р. Ф. Мусульманские погребения алан XIII–XIV вв. с могильников Верхнего Джулата // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2004. № 1. – С. 16–45.

3. Фидаров Р. Ф. Индоевропейский основной миф в нартовском эпосе осетин // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2005. № 3. – С. 16–29.

4. Фидаров Р. Ф. Мифы творения в осетинском нартовском эпосе // Вопросы истории и культуры народов России. Сборник статей к 80-летию профессора М. М. Блиева. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2010. – С. 13–47.

5. Фидаров Р. Ф. Новые материалы бытовых памятников кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2004. Вып. 3. – С. 196–206. (Соавтор Чшиев Х. Т.)

Тезисы докладов

6. Fidarov, Rustem. Horse Burials in the Zmejskaja Catacomb Burial Place // International & Interdisciplinary Conference: Scythians, Sarmatians, Alans Iranian-Speaking Nomads of the Eurasian Steppes. Barcelona: Autonomous University of Barcelona, 2007. – P. 14–15. (Международная и междисциплинарная конференция: «Скифы Сарматы Аланы ираноязычные кочевники евразийских степей» в Автономном университете Барселоны, 7–10 мая 2007 года).